

Дативный субъект и предикативность: к типологии инфинитивных групп в русском языке

М. Я. Дымарский

Dative subject and predicativity: towards the typology of Russian infinitive phrases

M. Ya. Dymarsky

Михаил Яковлевич Дымарский – доктор филологических наук, профессор; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: dym2005@list.ru

Статья поступила: 12.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

В статье рассматриваются два взаимосвязанных тезиса, часто встречающихся в работах, в той или иной степени ориентированных на генеративную грамматику: 1) любая инфинитивная группа является клаузой; 2) каждая инфинитивная клауза содержит позицию дативного субъекта, в том числе нулевого (PRO_{DAT}). Клауза трактуется как «минимальная грамматическая единица, соответствующая пропозиции» (С.С. Сай). В сфере внимания находятся инфинитивные группы, функционирующие как 1) смысловой компонент составного глагольного сказуемого (*начал изучать французский*), 2) объект (*попросил жену приготовить ужин*), 3) обстоятельство (*пошел отправлять письмо*), 4) придаточное (...*чтобы отправить письмо*). Предлагается разграничение полных и неполных клауз. Полные содержат дативный субъект, который при выражении нулем легко восстанавливается, и полно отображают структуру пропозиции. Только такие инфинитивные клаузы характеризуются предикативностью; к ним относятся придаточные предложения. Неполные инфинитивные клаузы в роли объекта и обстоятельства («сентенциального актанта» и «сентенциального сирконстанта») выраженного дативного субъекта содержать не могут. Конструкции с неполными клаузами нельзя признать полипредикативными, но можно признать полипропозитивными. Рассмотрены некоторые примеры, призванные доказать наличие в них нулевого дативного субъекта (PRO_{DAT}), продемонстрирована несостоятельность и несоответствие этих примеров узусу. Делается вывод, что в таких случаях синтаксическая позиция для дативного субъекта отсутствует, семантически же субъект транслируется в неполную инфинитивную клаузу из «матричной клаузы». Предлагается именовать такие конструкции слиянием клауз. За конструкциями с инфинитивными группами, возникающими при фазисной или модальной модификации простого глагольного сказуемого, признается целесообразным сохранить традиционное наименование составного глагольного сказуемого, поскольку такие конструкции не только монопредикативны, но и монопропозитивны. Понятие инфинитивной клаузы к таким конструкциям неприменимо.

Mikhail Ya. Dymarsky – Doctor of Sciences in Philology, Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID 0000-0002-1796-7686

Received: 12/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

The article deals with two interrelated theses, often found in works that are more or less focused on generative grammar: 1) any infinitive group is a clause; 2) each infinitive clause contains the position for a dative subject, including the zero one (PRO_{DAT}). A clause is interpreted as “minimal grammatical unit corresponding to a proposition” (S. S. Sai). The focus is on infinitive groups that function as 1) the semantic component of the compound verb predicate (*nachal izuchat' francuzskij* ‘started learning French’), 2) object (*poprosil zhenu prigotovit' obed* ‘asked the wife to cook dinner’), 3) adverbial modifier (*poshel otpravlyat' pis'mo* ‘went to send a letter’), 4) subordinate clause (*chtoby otpravit' pis'mo* ‘...to send a letter’). A distinction is made between complete and incomplete clauses. Complete ones contain a dative subject, which, when expressed by zero, is easily restored, and fully reflect the structure of the proposition. Only such infinitive clauses are characterized by predicativity; these include subordinate clauses. Incomplete infinitive clauses in the role of an object and an adverbial modifier (“sentential actant” and “sentential circonstant”) cannot contain a pronounced dative subject. Constructions with incomplete clauses cannot be recognized as polypredicative, but they can be recognized as polypropositive. Some examples, designed to prove the presence of a zero dative subject (PRO_{DAT}) in them, are considered, the ungrammaticality and inconsistency of these examples with the usus is demonstrated. It is concluded that in such cases there is no syntactic position for the dative subject, while semantically the subject is transmitted into an incomplete infinitive clause from the “matrix clause”. It is proposed to refer to such constructions as merged clauses. For constructions with infinitive groups arising from the phase or modal modification of a simple verbal predicate, it is considered expedient to retain the traditional name of the compound verbal predicate, since such constructions are not only monopredicative, but also monopropositive. The concept of an infinitive clause is not applicable to such constructions.

Ключевые слова: инфинитивная группа, инфинитивная клауза, дативный субъект, предикативность, составное сказуемое, слияние клауз

Keywords: infinitive group, infinitive clause, dative subject, predicativity, compound predicate, merged clauses

УДК 811.161.1:81'367

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. В лингвистических работах встречаются примеры, которые можно назвать кочующими: они заимствуются из одной работы в другую, иногда очень удачно представляя иллюстрируемое явление, а иногда отражая и ошибочные представления об этом явлении и порождая неверные выводы.

А. А. Зализняк в свое время напомнил, что заблуждения не следует игнорировать: таким образом их можно только укрепить [Зализняк, 2010]. Безусловно, пафос его речи при вручении премии им. А. И. Солженицына был направлен против любительской науки и в защиту подлинной науки, что как будто не имеет отношения к собственно лингвистическим работам. Однако, как будет показано ниже, существуют примеры речений, которые специалисты по русскому языку, не являющиеся его носителями как родного, считают приемлемыми и даже стандартными, на основе чего ими делаются выводы – иногда далеко идущие. Ниже будут рассмотрены некоторые подобные примеры и ложные убеждения.

Методология и методика анализа. Материал, о котором пойдет речь, связан с одним из положений, безоговорочно разделяемых лингвистами, исповедующими генеративно-ориентированные взгляды. Оно состоит в том, что любая инфинитивная группа представляет собой клаузу и должна рассматриваться в этом качестве вне какой бы то ни было зависимости от места и роли этой группы в «объемлющей структуре» (удачное выражение Е. В. Падучевой). Во многих работах (хотя не во всех, поскольку недостатка в различных версиях генеративно-ориентированных взглядов нет) указанное положение трактуется в том смысле, что наличие инфинитивной клаузы в предложении с финитным глаголом автоматически означает полипредикативность такого предложения. Проблема, однако, в том, действительно ли любая конструкция, которая производит впечатление «инфинитивной клаузы», то есть представляет собой группу, возглавляемую инфинитивом, является таковой; а если не любая, то какие конструкции, кроме инфинитивных клауз, следует различать. Это важно потому, что от статуса, приписываемого инфинитивной группе, зависит и интерпретация ее структуры. Решению этой проблемы и посвящена статья.

История вопроса. Для рассмотрения поставленной проблемы наиболее важными оказываются понятия клаузы, инфинитивной группы, предикативности и пропозитивности.

К понятию клаузы. Дифференциация инфинитивных групп. Емкое и лаконичное определение клаузы дано Я. Г. Тестельцом: это «любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки» [Тестелец, 2001, с. 256]. Важный аспект клаузы, не отражаемый, однако, этим

определением, положен в основу дефиниции, предлагаемой С. С. Саем: «минимальная грамматическая единица, соответствующая пропозиции» [Сай, 2015, с. 1]. Нетрудно видеть, что два приведенных определения хорошо дополняют друг друга.

Различаются финитные и нефинитные клаузы: во главе первых находится спрягаемая (финитная) форма глагола, во главе вторых – неспрягаемая (нефинитная): инфинитив, причастие, деепричастие, отглагольное имя действия. При этом оказывается возможным компактно определить предложение как финитную клаузу. В одних работах этим определением и ограничиваются; в других за предложением, помимо этого, признаётся «важнейшее свойство» – предикативность: тогда клаузы вида *Этот студент вчера опоздал на занятие* признаются предикативными (предложениями), а клаузы вида *студент, опоздавший вчера на занятие, вчерашнее опоздание студента на занятие* – непредикативными [Там же; примеры оригинала]. В сущности, понятия финитной клаузы и предикативной клаузы конгруэнтны; различие между ними носит методологический характер: первый термин предпочитают специалисты, которые, вслед за Н. Хомским и другими, находят использование понятия предикативности избыточным; второй употребляют те, кто считает возможным учитывать отечественную синтаксическую традицию, – хотя существует и прекрасный пример вполне гармоничного подхода, сочетающего учет разных традиций: [Тестелец, 2001, с. 229–268].

Любое предложение, содержащее более одной клаузы, могло бы рассматриваться как сложное; но этому препятствует тот факт, что «зависимые клаузы далеко не всегда являются предложениями» [Сай, 2015, с. 2], то есть не всегда характеризуются предикативностью, а сложным называют предложение, состоящее из более чем одной предикативной единицы (\approx более чем одного предложения). С. С. Сай приводит три удачно отобранных примера, каждый из которых является поликлаузальным (хотя такой термин не используется), но не каждый может быть назван сложным предложением:

(1) *Советую тебе купить у Меня золото..., чтобы тебе обогатиться* [Почтение (2004) // Журнал Московской патриархии, 2004.03.29]¹;

(2) *...сам Батя вышел, чтобы вас встретить* [Солдат удачи, 2004.01.14];

(3) *Спиваков после этого вышел играть концерт Моцарта...* [Сати Спивакова. Не всё (2002)] [Там же, с. 2].

Выход из затруднительного положения предлагается следующий: не все конструкции (1–3) являются сложными предложениями, но все они признаются полипредикативными: «Полипредикативная структура, или полипредикация, – синтаксическая структура, включающая более одной клаузы» [Там же, с. 2–3].

Противоречие очевидно: если клаузы вида *студент, опоздавший вчера на занятие* не признаются предикативными, то и клауза вида *играть концерт*

¹ В более полном виде этот пример выглядит так: (1') *Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть* (Откровение Иоанна Богослова: синодальный перевод, 1816–1862).

Моцарта предикативной не является; следовательно, название «полипредикативная структура» по отношению к (3) нельзя признать корректным.

Между тем именно такая трактовка любых конструкций, включающих инфинитивную клаузу, широко распространена. Например, А. Б. Летучий пишет: «...существуют классы глаголов, при которых вместо канонического дополнения – существительного или местоимения в винительном падеже – может употребляться группа другого синтаксического типа, или конструкция, не являющаяся местоименной или именной группой, семантически и синтаксически до той или иной степени тождественные каноническому прямому дополнению. Это может быть:

<...> в) *сентенциальный актанта...*, в том числе:

– инфинитивный оборот (*Я люблю ходить в кино*); <...>

Некоторые из этих конструкций возможны также и при непереходных глаголах, не в функции прямого дополнения:

<...>

б) *сентенциальный актанта*, в том числе:

– инфинитивный оборот: *Я рад оказать вам услугу*» [Летучий, 2014].

Другими словами, в случаях, которые традиционной грамматикой квалифицируются как простые (монопредикативные!) предложения с составным (*люблю ходить* – составное глагольное с модальной связкой) или сложным сказуемым (*рад ∅ оказать*² – сложное трехчленное с модальным компонентом и формальной связкой), констатируются две клаузы и, соответственно, полипредикативная структура. Ведь «сентенциальный актанта» потому и называется сентенциальным, что грамматически он представляет собой – или рассматривается как – предложение (*sentence*). Понятие составного глагольного сказуемого (и производных от него более сложных типов), таким образом, отменяется; оно замещается представлением о полипредикативной структуре, в которой имеются главная и зависимая клаузы. Последняя выступает в функции сентенциального актанта, то есть дополнения при предикате «матричной» клаузы (*люблю, рад*).

Такой анализ мог бы не вызывать возражений, если бы при этом актанта или обязательный сирконстант *в кино, услугу / город* не оказывался отделенным границей между клаузами от первого актанта (*Я*) и связь между ними не становилась проблематичной.

При традиционном анализе предполагается преемственность между конструкциями с простым глагольным сказуемым и с его модальными и фазисными модификациями (составными и сложными сказуемыми). Если в предложении *Я хожу в кино* словоформы с субъектным (*я*) и сирконстантным (*в кино*) значением связаны с одним и тем же предикатом и – при его посредстве – друг с другом, то в предложении *Я люблю ходить в кино* предполагается совершенно аналогичная конфигурация связей, и различие лишь в том, что предикат, служащий посредником

² Строго говоря, смысловой инфинитив здесь выражен аналитическим глаголом: *оказать услугу = услужить*. Но эту деталь в данном случае можно оставить в стороне, тем более что легко привести пример с обычным глаголом и обычным дополнением: *Я рад показать вам наш город*.

между субъектом и сирконстантом, представляет собой более сложный тип сказуемого.

При анализе же, опирающемся на понятие клаузы, возникает требование признать за инфинитивом статус вершины клаузы, а поскольку в предложении имеется еще и финитная форма глагола, клауз оказывается две: в результате между субъектом и сирконстантом возникает граница, отменяющая их опосредованную связь друг с другом.

Вдобавок положение осложняется тем, что коль скоро инфинитив вместе со своими зависимыми образует другую клаузу, то в ней должен быть и свой первый актант, и предложение в целом должно было бы принимать вид (квадратными скобками обозначена зависимая клауза):

(4) *Я люблю [я ходить в кино];

(5) *Я рад [я оказать вам услугу].

Версии (4–5), однако, неприемлемы; столь же неприемлемы и версии, опирающиеся на тезис, согласно которому инфинитивная клауза в русском языке (любая!) требует дативного субъекта (к этому тезису мы еще вернемся):

(6) *Я люблю [мне ходить в кино];

(7) *Я рад [мне оказать вам услугу].

Выход из неприемлемости (4–7) находят в том, что в инфинитивной клаузе постулируется нулевой дативный субъект, который якобы присутствует всегда (ср. [Babby, 2009, p. 194] и мн. др.). Теория удобная: доказать ее примерами предложений, трактуемых традиционной грамматикой как простые с составными сказуемыми, где этот дативный субъект имел бы ненулевую форму, невозможно, ср. (4–7); но и опровергнуть затруднительно: ведь утверждается наличие нулевой формы. В качестве косвенных доказательств приводят предложения вида (1), из которых, в частности, названный тезис и выводится.

Пример (1) заслуживает отдельного комментария. Выраженный дативный субъект в придаточном предложении выглядит здесь несколько искусственно: чаще в подобных конструкциях, где субъекты обеих частей кореферентны (*тебе* купить... *тебе* обогатиться), датив зависимой клаузы опускается:

(8) Чтобы [ей↓] купить свежих фруктов, Надя ходит исключительно на рынок.

То же демонстрирует и пример (1', см. прим. 1), в котором имеются еще два целевых инфинитивных придаточных с опущенными дативными субъектами: чтобы [тебе↓] одеться и чтобы [тебе↓] видеть.

Однако в (1) первый датив одновременно обозначает и субъект инфинитивного действия, и объект финитного предиката: советую → тебе ← купить. Только эта двойная роль первого тебе, а также наличие своего субъекта у финитного предиката ([я] советую) объясняют выбор ненулевой формы для дативного субъекта в зависимой клаузе; если (1) изменить так, чтобы избавиться от двух субъектов в первой клаузе, необходимость во втором тебе отпадёт, потому что кореферентность сохранится, а возможность двойного чтения исчезнет:

(1.1) Купи у него золото, чтобы обогатиться;

(1.2) *Ты купишь у него золото, чтобы обогатиться.*

При некорреферентности субъектов главного и придаточного предложений позиция дативного субъекта оставаться замещенной нулем не может:

(9) *Дайте, пожалуйста, для ориентира название какого-нибудь отеля или достопримечательности, чтобы мне не промахнуться и выбрать себе отель в цивилизации!* (<https://ftour.otzyv.ru/tema/234325/>)

Следовательно, примеры вида (1) удобны для того, чтобы показать наличие позиции дативного субъекта в зависимой инфинитивной клаузе даже тогда, когда он материально не выражен: как только конструкция отклоняется от простейшего прототипа и становятся возможны разночтения, имеющаяся позиция «проясняется» – дативный субъект выражается ненулевой формой. При этом никак не оговаривается, что зависимые инфинитивные клаузы выступают в разных функциях и позициях, и сделанный вывод распространяется на все такие клаузы.

В результате верное, по сути, утверждение: «выражение подлежащего в зависимой клаузе невозможно (ни номинативное, ни дативное)» [Сай, 2015, с. 6] – оказывается верным для конструкций вида (4–7) (пример С. С. Сая: *Вася начал [(*он / *ему) изучать французский]*), но не для конструкций вида (1), хотя в последних придаточное цели тоже должно рассматриваться как зависимая клауза. Всё дело как раз в том, что «инфинитивная клауза в роли сентенциального актанта» в примерах, подобных приводимым А. Б. Летучим, и инфинитивная клауза в роли придаточного предложения – принципиально различные явления, даже если согласиться с тем, что в обоих случаях мы имеем дело с зависимой инфинитивной клаузой.

Возможность восстановления дативного субъекта в инфинитивных придаточных (1, 8, 9) и принципиальная невозможность подобной операции по отношению к инфинитивным группам в роли «сентенциальных актанта» ясно свидетельствуют о том, что лишь первые обладают предикативностью, потому что структура пропозиции в них выражается с достаточной полнотой (имеется субъект), а модальная характеристика определена (это, например, желательность или другое ирреальное значение). Вторые же непредикативны, и употребление термина «сентенциальный актанта» по отношению к ним нельзя признать вполне корректным.

Еще одна принципиальная особенность инфинитивных групп – «сентенциальных актанта», присоединяемых без помощи союзов, – состоит в том, что, в отличие от инфинитивных придаточных, варьирование значения первого актанта инфинитивной группы в них невозможно. В конструкциях с составным глагольным сказуемым (10) и целевым инфинитивным оборотом (11) это всегда тот же субъект, что и субъект финитного предиката:

(10) *Вася начал изучать французский* (изучает Вася, другой субъект исключен);

(11) *Вася побежал на почту отправить письмо* (отправлять намерен Вася, другой субъект исключен).

В конструкции с объектной инфинитивной группой ее субъект совпадает с объектом финитного предиката (12) или включает субъект и объект последнего с комитативным значением (13):

(12) *Вася попросил Машу приготовить ужин* (ужин должна готовить Маша, другой субъект исключен);

(13) *Маша предложила Васе сходить [вместе] в зоопарк* (пойти должен Вася или Вася вместе с Машей, другие субъекты исключены);

(14) *Маша предложила Васе [их] совместный поход в зоопарк* (другие субъекты исключены).

А если варьирование значения первого актанта инфинитивной группы исключено и если в реальности этот субъект уже выражен подлежащим или дополнением, то предполагать наличие отдельной позиции для этого же актанта при инфинитиве попросту избыточно.

Примеры (10–13) показывают, что инфинитивные группы в них не просто зависимые инфинитивные клаузы: если это и клаузы, то **неполные**. Синтаксически позиция субъекта в них не предусмотрена, семантически же субъект в них транслируется из «матричной клаузы». Удобнее всего здесь говорить о *слиянии клауз* в монопредикативную структуру, неудобнее же всего видеть в этих конструкциях такие же предикативные клаузы, как придаточные с соответствующим союзом и «законной» позицией для дативного субъекта, так как подобное обобщение противоречит фактам. При этом нужно заметить, что (10) не только монопредикативно, но и монопропозитивно, поскольку никакого положения дел ‘Вася начал’ за этой конструкцией не стоит: такого положения дел просто не может существовать. Пропозиция, выражаемая (10), сводится к ‘СУБЪЕКТ изучает ОБЪЕКТ’, как и в *Вася изучает французский язык*, детализация же по фазе процесса, как и по модальной характеристике, отдельной пропозиции не создает. Конструкции (11–14) монопредикативны, но полипропозитивны, и применительно к ним, в отличие от (10), может быть осмысленным употребление выражений *неполная клауза* и *слияние клауз*. Удобнее же всего признать за объектными и обстоятельственными инфинитивными оборотами статус инфинитивных групп (но не клауз). Что же касается конструкций вида (10), то представляется целесообразным сохранить за ними статус предложений с составным глагольным сказуемым и не пытаться описывать их структуру в терминах клауз, полипредикативных структур и т. п.

Мнимая полипредикативность: нежелательные следствия. Теперь рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих следствия из сверхгенерализации – убеждения в том, что любая инфинитивная группа является клаузой с обязательной позицией для дативного субъекта. Убеждения столь сильного, что для его обоснования предпринимаются значительные усилия.

Итак, задача следующая: доказать, что в зависимой инфинитивной клаузе (не являющейся придаточным) имеется нулевой дативный субъект PRO_{DAT} – при том, что ни одного живого примера с «проснувшимся» дативным субъектом привести нельзя (значительно подробнее см. в [Тестелец, 2001, с. 270–278]). Следует рассуждение: если PRO_{DAT} имеется, значит, он должен контролировать согласуемые с ним формы – например, адъективные. Настоящую адъективную форму, которая зависела бы от нулевого субъекта, сочинить невозможно; однако существуют кванторные слова, выступающие в роли то ли обстоятельств, то ли определений и по типу словоизменения подходящие: *сам, один*. Кроме того, существуют сравнительные обороты с союзом *как*, в которых существительное также подвержено контролю согласования (ср.: *Тебя_{ACC} ж, как первую_{ACC} любовь_{ACC}, России сердце не забудет!*).

Решение: нужно найти предложения, в которых слово *сам / один* находится в составе инфинитивной клаузы и имеет форму дательного падежа, или предложения с этой же формой в сравнительном обороте в составе инфинитивной клаузы. Если такие предложения найдутся, то ничем, кроме контроля PRO_{DAT}, объяснить этот падеж будет невозможно, и теорема будет доказана.

Леонард Бэбби (L. Babby, Л. Бабий) приводит следующий пример, который он считает правильным:

(15) *Нас заставили тесниться в вагоне как сельдьям в бочке (sic!)* [Babby, 2009, p. 192; Бабий, 2014, с. 228].

С точки зрения автора, форма датива *сельдьям* согласуется в нулевым дативным субъектом «инфинитивного предложения» (NB: даже не *клаузы!*) и совершенно закономерна [Там же]. Этот же пример использует – и тоже в качестве правильного – Стивен Фрэнкс [Franks, 2014, p. 32]. Популярность этого странного примера такова, что О. В. Митренина посвящает его критике целый абзац в своей рецензии на книгу, в которой была опубликована статья С. Фрэнкса [Mitrenina, 2015, p. 334].

Вот еще один пример – на этот раз С. Фрэнкса:

(16) *Я попросил Тараса прийти одному/самому *одного/самого* [Franks, 2014, p. 18].

Разметка (оригинальная) не оставляет сомнений в том, что автор считает здесь единственно возможной форму датива, – в то время как носитель русского языка предпочтет как раз аккумулятив, отвергаемый автором, но на самом деле кореферентный ненулевому аккумулятиву *Тараса*, являющемуся одновременно объектом предиката *попросил* и субъектом инфинитива *прийти* в двух слившихся клаузах. Причина та же: убежденность в наличии нулевого дативного субъекта (PRO_{DAT}) при инфинитиве и необходимость согласования местоименной формы *сам / один* именно с этим мифическим дативом.

Еще один пример Л. Бэбби:

(17) *Я_{NOM} научу вас_{ACC.PL} [решать такие задачи_{ACC} самим_{DAT.PL}]* [Babby, 2009, p. 194; Бабий, 2014, с. 231].

По мнению автора, этот пример «иллюстрирует объектный контроль в стандартном русском языке: *самим* в дательном падеже согласуется с PRO_{DAT} субъектом инфинитивного предложения» [Там же].

Между тем то, что автор называет «стандартным для русского языка объектным контролем», не вызывает сомнения в конструкциях несколько иного вида:

(18) *Я разрешил Тарасу прийти одному,*

или

(i) $V_f^{trans.inanim.} + Obj_{DAT} + Inf + Sb_{Inf (=Obj)_{VF}}_{DAT}$

В таких конструкциях в позиции V_f используется глагол, переходность которого может быть реализована только неодушевленным объектом в В. п. (*разрешить поездку*) или инфинитивом, а валентность на одушевленный объект реализуется другим падежом – например, дательным. Кореферентность компонентов обеих глагольных форм в этом случае удачно подчеркивается совпадающим падежным оформлением.

В конструкциях же вида (17), или

(ii) $V_f^{\text{trans.anim.}} + \text{Obj}_{\text{ACC}} + \text{Inf} + \text{Sb}_{\text{Inf (=ObjVf)}} \text{ ?DAT}$,

– тоже, как видно из нотации, предусматривающих кореферентность элементов Obj_{ACC} и $\text{Sb}_{\text{Inf (=ObjVf)}}$, возникает конфликт требований падежного оформления. Переходный глагол с валентностью на одушевленный прямой объект требует от последнего – существительного или местоимения – формы винительного падежа; это же имя / местоимение является антецедентом для формы *сам / один* в группе инфинитива. Статус субъекта (агенса) инфинитивного действия требует дательного падежа; но при следовании этому требованию кореферентность формы *сам / один* и ее антецедента становится проблематичной. Возникает конфликт требований (причем об этом конфликте можно говорить только если соглашаться с присутствием PRO_{DAT} при инфинитиве).

Любопытно, что, согласно логике авторов, при преобразовании простого глагольного сказуемого в составное возникает инфинитивная клауза с нулевым дативным субъектом, который должен контролировать подобные формы, и тогда мы имели бы преобразование:

(19) *Вася_{НОМ} играет на гитаре один_{НОМ} → Вася любит [PRO_{DAT} играть на гитаре **одному_{DAT}}*].*

Однако таких примеров в упомянутых работах не приводится: видимо, потому, что они откровенно аграмматичны. Вот почему, видимо, цитируемые авторы предпочитают странные примеры вроде (17).

Анализ материала. Реальный узус проявляет отчетливую тенденцию к игнорированию мифического требования, исходящего из мифического PRO_{DAT} , и воплощению кореферентности указанных элементов в их тождественном падежном оформлении:

(16.1) *Я попросил **Тараса** прийти **одного**;*

(20) *Вернувшись, генерал весь остаток вечера и всю ночь просидел с начальником штаба за первой прикидкой плана, утром оставил **его** работать **одного**, а сам поехал в полк к Баглюку <...> (К. Симонов. Живые и мертвые, 1955–1959);*

(21) *Если же я отвечу вам решительным отказом, то это, напротив, взбудоражит, заинтригует, заволнует, заставит **вас** насторожиться, **самого** приглядываться и искать ответа на неразрешенный вопрос (К. С. Станиславский. Работа актера над собой, 1938);*

(22) *Он снова и весьма настойчиво просил его оставить **кубанцев самих** доканчивать освобождение Кубани, как это сделало Войско Донское, а самому идти на Царицын и Воронеж (П. Н. Краснов. Всевеликое Войско Донское, 1922);*

(23) *Я отнесся к вам в художественной форме; я заставил **вас** говорить **самих** за себя — и публика поняла в совершенстве, что в известных случаях эта манера есть единственно возможная (М. Е. Салтыков-Щедрин. Гг. «Семейству М. М. Достоевского, издающему журнал «Эпоха», 1864);*

(24) *Но она с порога: нет, даже не заговаривайте со мной об этом. Даже отпускала **его** гулять **одного** (А. Терехов. Каменный мост, 1997–2008).*

При обращении к НКРЯ по запросу, моделирующему структуру (ii), была получена выборка, насчитывающая 19 вхождений с *один / сам* в аккумулятиве и только 2 вхождения – с формами датива. Вот эти два примера:

(25) <...> она пошла к Буревестнику революции и заставила **его** принять **самому** меры для прекращения клеветнического слуха; второй раз — написав упомянутое письмо Сталину (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний, 1933–1935);

(26) Она научила **их** отвечать, когда спрашивают, **самим** разговоров не начинать, вопросов не задавать и чувств не выказывать, а если нужно на горшок, то шепотом попросить позволения вымыть руки (Н. Н. Берберова. Железная женщина, 1978-1980).

Не вызывающим сомнений представляется только (26), поскольку *самим* в нем означает 'первыми', что важно для смысла всего предложения. В (25) местоимение *сам* кажется просто избыточным. Но даже если признать два указанных случая легитимными, в целом соотношение 19 : 2 весьма убедительно свидетельствует о преобладании в узусе согласования местоимения в инфинитивной группе с винительным падежом объекта финитного предиката: именно в нем говорящие идентифицируют и субъект инфинитивной клаузы. Примеры же вида (17) никак нельзя оценить как стандартные: они производят впечатление маргинальных, на грани грамматичности; и уже за этой гранью находятся примеры (15) и (16).

Вообще говоря, важность местоимений *сам / один* в предложениях, представляющих собой слияние клауз, одна из которых неполная инфинитивная, несколько преувеличена. Хорошо известен простой «обходной путь», если уж говорящий сталкивается с проблемой падежного оформления местоимения при инфинитиве:

(27) Учу вас [***самим? *самих?**] **самостоятельно** управлять и регулировать свои эмоциональные и физиологические состояния (<http://shcolarazyma.ru/wppage/individualjnye-konsuljtacii-fanzilja-jagafarova>); в этом примере говорящий явно не испытывал затруднений с падежным оформлением, поскольку и управлением глаголов он распоряжается бездумно;

(28) Опытные педагоги говорят, что быстро научить любого ребенка читать и считать просто, но не очень просто вырастить человечка с устойчивым интересом к миру и стремлением познавать его, с умением [***самому? *самого?**] **самостоятельно** решать поставленные жизнью задачи, с открытостью сверстникам и взрослым (https://vk.com/topic-37435966_32226872?post=8352);

(29) Было бы здорово, если бы мультфильмы не только рассказывали об умных сказочных героях, которые готовы помочь в трудной ситуации, но и учили решать проблемы [***самим? *самих?**] **самостоятельно** через собственные умозаключения (<https://newtonew.com/parenting/triz-solving-problems>);

(30) ...я передам Вам свой опыт и научу Вас делать лэндинги [***самим? *самих?**] **самостоятельно** (http://biz-iskun.ru/videokurs_kak_sdelat_prodauschuyu/).

Еще одно нежелательное следствие неразграничения полных предикативных инфинитивных клауз и неполных непредикативных инфинитивных клауз (инфинитивных групп) может быть проиллюстрировано примером из замечательной

книги [Циммерлинг, 2013]. На протяжении книги автор неоднократно демонстрирует явление, получившее название Clitic Climbing: подъем клитики из зависимой клаузы в вышестоящую. В некоторых случаях, однако, примеры вызывают возражения:

(31) *слвц.* Rozmýšl'al, [ср čí=sa má poň [ip vrátit']].

Размышлять^{зед.м.прф.} альт.CL=ВОЗВР.ВИН. иметь^{зед.прз.} хоть вернуть^{инф.}

‘Он размышлял, не стоит ли ему вернуть=ся назад’ [Циммерлинг, 2013, с. 96].

Смысл примера заключается в том, что возвратное местоимение-клитика *sa*, служащее субъектом зависимой инфинитивной клаузы, извлекается из последней и занимает ваккернагелевскую позицию в вышестоящей клаузе: должно бы было быть букв. ‘ли имеет вернуть ся’, в реальности же есть букв. ‘ли ся имеет вернуть’. Это верно, если не разграничивать полные предикативные и неполные инфинитивные клаузы; если же принять это разграничение и признать, что ‘имеет вернуть(ся)’ (= должен вернуться) является обычным составным глагольным сказуемым, а вся конструкция, заключенная в квадратные скобки, представляет собой одно простое предложение, то пример придется признать не достигающим цели: Clitic Climbing в нем не происходит, имеет место лишь передвижение клитики в предписанную ей позицию кластеризации.

Выводы. Жесткий детерминизм, проявляющийся в установке на обнаружение дативного субъекта в любой инфинитивной конструкции, игнорирует существенные различия между по меньшей мере двумя разновидностями таких конструкций: полными предикативными и неполными непредикативными.

В полной предикативной инфинитивной клаузе имеется позиция дативного субъекта, часто выражаемая нулем, но всегда поддающаяся восстановлению. Только в этом случае структура пропозиции получает полное синтаксическое отображение, и только в этом случае оправданна характеристика такой клаузы как предикативной, поскольку и модальное значение при этом всегда определено. Таковы инфинитивные придаточные, маркированные подчинительным союзом или союзным словом (*чтобы [ему] обогатиться; куда [ему] убраться*).

В неполной инфинитивной клаузе позиция дативного субъекта отсутствует. При функционировании такой группы в качестве смыслового компонента составного глагольного сказуемого предложение не только монопредикативно, но и монопропозитивно, никакого отдельного субъекта действия, обозначенного инфинитивом, в них нет и быть не может; детализация действия по фазе или модальной окрашенности новой пропозиции не создает. В этом случае использование понятия клаузы безосновательно; можно – при желании – говорить об инфинитивной группе, но не более (*Вася начал изучать французский*). Анализ такой группы в терминах клауз ведет к искажению фактов и умножению сущностей без надобности.

При использовании неполной инфинитивной клаузы в объектной (*попросил Машу приготовить ужин*) и обстоятельственной (*пошел на почту отправить письмо*) функциях синтаксическая позиция субъекта в них не обнаруживается, семантически же субъект в них транслируется из «матричной клаузы», причем действуют вполне определенные закономерности, исключающие двусмысленность и делающие выражение в них «собственного» субъекта избыточным. Применительно к

конструкциям с неполными инфинитивными клаузами может быть осмысленным употребление выражения *слияние клауз*.

Если в отношении конструкций с полными предикативными инфинитивными клаузами использование термина *полипредикативная структура* оправданно, то в случае с неполными оно ведет к неверным выводам и обобщениям. Максима, согласно которой любая инфинитивная группа есть клауза с позицией дативного субъекта, в том числе нулевого, на поверку оказывается инструментом насилия над языковым материалом.

Что же касается конструкций с фазисной или модальной модификацией основного действия (*начал изучать, хочет поехать*), то за ними целесообразно сохранить их традиционное название – предложения с составным глагольным сказуемым, поскольку они не только монопредикативны, но и монопропозитивны.

Литература

Бабий, Л. (2014). *Синтаксис аргументной структуры*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014.

Зализняк, А. А. (2010). Истина существует. Зализняк А. А. *Из заметок о любительской лингвистике*. Москва: Русский Мир; Московские учебники, 204–212.

Летучий, А. Б. (2014). *Переходность: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. Русская корпусная грамматика: официальный сайт. Электронный ресурс <http://rusgram.ru>

Сай, С. С. (2015). *Базовые сведения о типологии полипредикации: конспект-хендаут к занятиям по синтаксису сложного предложения в типологическом аспекте* (Рукопись). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.

Тестелец, Я. Г. (2001). *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ.

Циммерлинг, А. В. (2013). *Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте*. Москва: Языки славянских культур. Электронный ресурс [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(680\)blok%20Cimmerling-2013.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(680)blok%20Cimmerling-2013.pdf)

Babby, L. (2009). *The syntax of argument structure*. Cambridge: Cambridge University Press.

Franks, S. (2014). The overgeneration problem and the case of semipredicatives in Russian. In Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu (eds.). *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 13–60.

Mitrenina, O. (2015). [Review of:] Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu, eds. *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. 320 pp. *Journal of Slavic Linguistics: Journal of the Slavic Linguistics Society*, 23(2), 331–342.

References

Babii, L. (2014). *The syntax of argument structure*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ. 344 p. (In Russian).

Babby, Leonard (2009). *The syntax of argument structure*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Russian).

Franks, Steven (2014). The overgeneration problem and the case of semipredicatives in Russian. In: Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu, eds. *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 13–59. (In Russian).

Letuchii, A. B. (2014). *Transitivity: Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar*. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow. (In Russian).

Mitrenina, O. (2015). [Review of:] Anna Bondaruk, Gréte Dalmi, and Alexander Grosu, eds. *Advances in the syntax of DP's: Structure, agreement, and case*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. 320 pp. *Journal of Slavic Linguistics: Journal of the Slavic Linguistics Society*, 23(2), 331–342. (In Russian).

Sai, S. S. (2015). *Basic information about the typology of polypredication: abstract-handout for classes on the syntax of a complex sentence in a typological aspect* (Manuscript). Saint Petersburg: SPbGU. (In Russian).

Testeleets, Ya. G. (2001). *Introduction to General Syntax*. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).

Zalizniak, A. A. (2010). Truth does exist. In: Zalizniak A. A. *From Notes on Amateur Linguistics*. Moscow: Russkii Mir; Moskovskie uchebniki Publ. 204–212. (In Russian).

Zimmerling, A. V. (2013). *Word order systems in Slavic against the typological background*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. Retrieved from [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(680\)blok%20Cimmerling-2013.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(680)blok%20Cimmerling-2013.pdf) (In Russian).

Для цитирования статьи:

Дымарский, М. Я. (2023). Дативный субъект и предикативность: к типологии инфинитивных групп в русском языке. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 25–37. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-25-37

For citation:

Dymarsky, M. Ya. (2023). Dative subject and predicativity: towards the typology of Russian infinitive phrases. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 25–37. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-25-37